

УДК 821.161.1.09-1

«ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ». СВОЕОБРАЗИЕ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

С. М. Заяц

Приднестровский государственный университет
кафедра общеобразовательных дисциплин

В статье прослеживается своеобразие духовных исканий русского поэта Серебряного века Максимилиана Волошина, пытавшегося совместить в своем творчестве эзотерику, теософию и православное мироощущение, которое, в конечном счете, окажется для него важнейшим фундаментальным смыслом, ставшим основанием дальнейших философских и богословских изысканий, этапом творческого жизнестроительства.

Ключевые слова: миф, теософия, «звезда Полынь», мгновение, вечность, духовное становление.

Время, когда жил и творил Максимилиан Волошин, сегодня принято называть Серебряным веком. Это время духовных поисков и попыток обозначения своей неповторимой личности. К 1910 году в творчестве поэта наметились тенденции, которые способствовали совершению в художнике духовного переворота. В этом отношении показателен цикл стихотворений под общим названием «Звезда Полынь», вышедший в первой опубликованной книге М.А. Волошина «Годы странствий».

Сама книга создавалась в течение десяти лет и явилась своеобразным итогом духовных исканий поэта. В ней присутствует сплав эзотерики и мифологии разных эпох и континентов (Греция, Рим, Египет, Веды), переработанных поэтическим гением Волошина.

Цикл «Звезда Полынь» из книги «Годы странствий» является эсхатологическим и эзотерическим переосмыслением космогонических мифов о мироздании, что отмечал Н. Кобзев [5, с. 144].

Для данного цикла характерно то, что в нем воедино сплетаются христианство, древнегреческий миф и теософия. Этот синтез определяет поэтическую ткань цикла, его художественную систему. Сам М. Волошин так определял свое духовно-религиозное восприятие мира в письме к Маргарите Сабашниковой 4 октября 1906 года: «Христианство мне из религий дальше всего. Мне Буддизм и Олимп ближе» [5, с. 146]. Однако поэт не раз говорил в своей автобиографии, что не мыслит себя вне Христа.

Первое стихотворение цикла – «Быть чёрною землёй. Раскрыв покорно грудь...» – этому яркое подтверждение. Слово понимается поэтом как Логос, как творческая, преображающая сила. Подобное толкование восходит к Книге Бытия, повествующей о том, что человек был создан из земли [1, Быт. 2: 7]. Слово становится реальностью, которую обязан воспринять человек и физически ощутить: «Быть чёрною землей. Раскрыв покорно грудь» [4, с. 39]. Как известно, хтонические мифы свойственны всем мировым цивилизациям.

Слово для М. Волошина не просто данная человеку реальность, но Христос. Не случайна строка: «Ослепнуть в пламени сверкающего ока» [4, с. 39]. В своей духовной сущности она восходит к знаменитым словам святого евангелиста Иоанна: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» [1, Ин. 12: 46]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что поэт видит себя, с одной стороны, сотворцом жизни, а с другой – принимающим жизнь как творение самого себя, что подтверждают строки: «И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко / В живую плоть, ведет священный путь» [4, с. 39]. Жизнь – это «священный путь», путь постижения полноты мироздания. Только тогда в душе может «распяться» слово: «Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот / В меня сойдет, во мне распнется Слово» [4, с. 39]. Все в этих строках проникнуто библейской символикой. Поэт понимает, что его жизнь, связанная со Словом в различных его ипостасях, не может быть оторванной от обыденной жизни, протекающей во тьме и безверии. Эти два начала в творчестве взаимосвязаны друг с другом, это реальная связь земного и небесного, это попытка обожения человека Богом. Поэтому важно быть «вспаханной землей», то есть готовой к принятию семени, зерна. Здесь уместным является изречение апостола Павла: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» [1, 1 Кор. 15: 44].

Итак, Слово, творимое и творящее, в мироощущении М. Волошина несет в себе акт созидания и преображения, акт возврата к истокам бытия, в котором был совершён первородный грех и за который необходимо понести возмездие, чтобы очиститься и восстановить Богочеловеческий лик. Время становится сакральным, где в мгновенном прозревается вечное, а вечное – в мгновенном, где таинство жизни и смерти есть основа единой мистерии духа.

Библейско-языческая мифологема «Матери-земли» связана с осознанием смерти и плодородия как цельных этапов в потоке бытия, что отвечает традициям русского символизма и восходит как к античной мифологии, так и к Святому Писанию. Рождается единство дольного и горнего: так «распинается» в поэте божественное слово. В архетипе Матери-земли М. Волошина волнует мысль о сущности и истоках бытия, и он будет неоднократно возвращаться к нему впоследствии. Отметим, что данная мифологема является одним из центральных структурно-семантических ядер всего творчества М. Волошина.

В этом отношении второе стихотворение цикла «Я шел сквозь ночь» нам представляется своеобразным отражением жизни творческой индивидуальности, обречённой на познание, которым зачастую владеет падший ангел, живущий «меж складками морщинистой земли» [3, с. 39].

Творчество не всегда в понимании М. Волошина есть акт приобщения к Богу. Порой это – бессовестная беседа с дьяволом. Отсюда пламя «бледной смерти», которая скрывается без следа, «ритмичные волны Вечности» и не «светящееся око», как в первом стихотворении цикла «Звезда Полынь», а «угасший метеор в пустынях мироздания» [4, с. 39]. Вместе с тем пульс вечности, пульс единой жизни осознаётся и в строках этого стихотворения. Постигание вселенной для него есть единство чувства и познания. Человек мыслится как внеземное существо, возникшее раньше земли. Это в духе эзотерических поисков поэта, которыми проникнуты стихотворения «Кровь», «Сатурн», «Луна», «Солнце» из цикла «Звезда Полынь». Для Максимилиана Волошина очевидна связь души человеческой с внутренними законами планет Солнечной системы. Поэтому в письме М. Сабашниковой он скажет: «При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая заложена в той сти-

хии, которая выработалась на этой планете. Кровь – трагедия Сатурна. Зрение и ошупь – трагедия Солнца. Пол – трагедия Луны» [4, с. 428].

Эзотерическая символика пронизывает весь цикл. Но вызывает интерес то, что, увлекаясь теософией Р. Штейнера, испытывая его влияние (например, стихотворение «Кровь» было написано под впечатлением от лекций Рудольфа Штейнера, который считал кровь сцеплением неуправляемых множеств в человеке, являющемся фрагментом бытийственного сознания [4, с. 428]), М. Волошин осмысленно использует библейское предание и древнеэллинский миф, которые впоследствии помогут ему избавиться от теософского соблазна. Именно библейские и мифологические ассоциации помогают понять глубинный смысл волошинского цикла. Уже с первых строк стихотворения «Кровь» приходит понимание, что человеку необходимо вспомнить, во имя чего он пришёл во Вселенную и стал частью мироздания. Где его истинное бытие, где его «вещий, сокровенный», но «дымный лик» [4, с. 39] реальности? Чтобы понять, необходимо молчание. Истинное творчество, по М. Волошину, начинается в безмолвии и тишине. К ним «приникнул ухом» поэт, чтобы услышать голос крови, которая, по его же признанию, была древнее земли и которая фонтанировала между безмолвием и воспоминанием. Уйдя в безмолвие, словно монах-исихаст, поэт вслушивается, как «на дне глухая кровь стучит», пытается уловить изначальный пульс зарождения времени и обретения пространства. Он пытается понять нить откровений, отражающих путь человека с его самого даже не начала, а предначала, где была кровь и жертва, которую совершил Каин, пролив кровь своего брата Авеля, пленив человеческий род, подвергнув разделению и осквернив землю, из которой был создан Адам, призванный стать «душею живою» [1, Быт. 2: 7]. Именно Каину обязаны двойничеством: через его дух крови человек уверовал в слепой разум, обретя скорбь и терпя её, не имея выхода к Единству, теряясь в догадках о своём назначении. Но, чтобы узнать назначение, необходимо воспоминание, понимание своего мгновения, в котором может проявиться человеческий образ, имеющий возможность или невозможность уподобиться Первообразу-Богу, что в русле святоотеческого Предания [6, с. 671].

Для М. Волошина совершенно очевидно, что возвращение к Богу означает восстановление единства с Творцом. В противном случае человеческое лицо станет гримасой, Эдипом, посланным «во тьму кровосмешений к соприкосанью алых жал» [4, с. 39], станет частью мифа об Эдипе, неспособном противостоять своему року, обреченном на отцеубийство и вечную слепоту. Не будет Единства, значит, не будет полноценного лика, останутся двойники, несущие скорбь и непоправимое свершение судеб. Но такова история, таков человеческий путь, который должно пройти, исполнив предназначенье. Это предназначенье – испытание, в котором человек через жертвенную кровь должен победить апокалипсическую смерть. Эта победа возможна только тогда, когда принятое им Семя-Слово станет смыслом его бытия. М. Волошин влетает лирического героя в ткань стихосложения, продолжая традиции античной метрики, четырёхстопного ямба, предполагающего смысловую нагрузку. Поэт использует смежную (парную) рифмовку в первом катрене, а в следующем за ним десятистишии – перекрёстную, плавно переходя в заключительное восьмистишие. Начальная строка стихотворения завершается мужской клаузулой, а заключительная – женской. Поэт вопрошает и знает начало. Для усиления восприятия введены глаголы настоящего времени (*молчит, стучит, бежит, струит, горит*).

Следующее стихотворение цикла называется «Сатурн». *Satus* означает «семья». И, несмотря на теософичность стихотворения, оно наполнено библейским

смыслом зерна, упавшего в землю и имеющего возможность прорасти. Поэзия М. Волошина этого периода пронизана и магией планет, и взглядом страннolюбивой нимфы, и мистическим ликом «пращура лун и солнц» [4, с. 40]. Он стремился приблизиться к Богу, используя теософскую символику.

М. Волошин играл, но это была мифическая игра, пронизанная искренностью. Поэт искал катарсис «на тверди видимой алмазно и лазурно» [4, с. 40], в которой он сможет избавиться от судебного предопределения каждой из планет. Семя станет животворящим Словом, способным вернуть первозданность, но не «призрако-людей», как считала А. Минцлова [4, с. 428], а Богочеловеческой реальности. Там, «в небе времени», поэт созерцает рождение человека. В нём, в человеке, не только земная плоть, но и дыхание Бога, и потому он не может отказаться от влияния Satusa, который стал его пространственным бытием, где «тело было звук» [4, с. 40]. И этот звук для Максимилиана Волошина был голос Бога, голосом Того, Кто творил, Кого невозможно было услышать, но только причаститься Вселенскому телу Вечности: «Что тёмным языком лепечет в венах глухо» [4, с. 40].

М. Волошин прекрасно знал трактат св. Дионисия Ареопагита «О мистическом богословии», в котором утверждается, что «Божественный мрак есть тот неприступный Свет, в котором живёт Бог» [6, с. 577]. Поэт стремился к причастию Тому, что он считал Божественным. Должно было произойти катарсическое очищение и освобождение. Но в то же время сатурническое пространство из кровавого сгустка человеческой плоти и бунтующей крови создало время, а значит, и смерть, через огненное горнило которой проходит человеческий род. Но огонь – это и жизнь, без него невозможно никакое творчество, огонь – это начало Света.

М. Волошин стремится выстроить единый, характерный для теософии, универсальный мифопоэтический ряд: Огонь – созидающий и разрушающий; седмичный круг дней, символизирующий акт Божественного творения и восходящий как к Каббалистике, так и книге Бытия; Луна – чувственное, страстное начало; Солнце – источник энергии и света, огня, жизни; Сатурн – Пра-Вселенная. Этот теософский ряд и был в понимании поэта своеобразным ключом в постижении тайн мироздания. Видимо, поэтому следующее стихотворение цикла названо «Солнце», которое для поэтов-символистов являлось многоаспектным символом. В солнце поэт хочет узреть светлый, солнечный образ человека (Солнце-свет, огонь и источник жизни; солнце-сердце; солнце-глаз; солнце-окно в мир). Создаётся впечатление, что поэтическая ткань стихотворения пронизана структурой солнечного мира, рождающего мифы. М. Волошин был не одинок в своём создании солнечного мифа. «Солнце» создавалось под влиянием бальмонтской «Книги Символов» («Будем как Солнце») и перекликается с ивановской «Хвалой Солнцу». Необходимо учитывать, что Вяч. Иванов в этот период творчества Максимилиана Волошина оказывал своеобразное влияние на поэта. Античный мир волновал М. Волошина и Вяч. Иванова. И обращение к Солнцу во многом было воспоминанием об орфическом гимне «Гелиосу».

Античный миф помогал осмыслить поэту собственное отношение к Бытию. Миф стал частью его *духовного становления*, обретения образа, отражённого в солнечных лучах. Солнечный луч пронзает сердце, ибо в сердце начало всякого познания. Сердечное знание связано с божественным, оно интуитивно верно, ему больше доверия: «Святое око дня, – тоскующий гигант! / Я сам в своей груди носил твой пламень пленный» [4, с. 41].

Для М. Волошина важна всеобъемлемость человеческого сердца, которое, несмотря на то, что его окружает тьма неведения, впитывает в себя лучи жизни и

мироздания, чтобы совершить акт рождения из плавающей тьмы. Свет становился частью Бытия, в котором появлялось сознание. И это сознание должно было направить световую энергию внутрь человеческой и слепой плоти, совершив акт обожения, сожжения мрака ради ликующего света, в котором обретается образ и подобие Всевидящего Света. Нам представляется правомерным полагать, что, несмотря на теософское увлечение М. Волошина, он не мог не знать учения св. Григория Паламы о божественном Свете. Поэт пишет, касаясь цикла «Звезда Полюнь»: «Он искал себя в католическом символизме и христианской мистике...» [2, с. 154]. Художник искал в солнечном мифе тот самый Божественный Свет, в котором «Бог сообщается и открывается тем, кто очистил своё сердце» [6, с. 595]. Но беда в том, что человек не всегда стремится к очищению своего сердца, теряет внутреннее зрение. И это трагедия человека, который не выдержал лучезарного света и ослеп в тот самый момент, когда пробудился его разум. И «Святое око дня» отвернулось от поэта, оказавшегося в пространственной тьме, ослепив его [4, с. 41]. «Слепые очи» М. Волошин всё-таки обращает к обжегшему его Солнцу, потому что понимает, что Солнце – это источник не только света, но и жизни. Но этот источник невозвратим, и поэт в душе «возжигает иное око» [4, с. 41].

Человеку необходимо совершить творческий акт, который вернёт его к жизни и к свету. И этот свет есть «иное око», которое нам представляется сердцем, обожженным изнутри, ставшим Незримым Светом, чтобы осветить видимый мир. Сердце-око творит лик нового человека, оно поможет распахнуть глаза и дать возможность взглянуть на мир, словно новорожденное дитя, обретшее евангельский смысл Бытия. Однако мир многогранен. В этой многогранности присутствует и Солнце, и Сатурн, и Луна. Например, Луна для М. Волошина представлялась Светом Смерти, обнаруживая «люциферический» лик. Таким образом, лик может быть не только Божественным, но и «люциферическим», лунным. Только в антиномии возможна мысль, что смерть ужасна, но и... прекрасна. В ней постигается смысл Бытия. И поэтическое сердце М. Волошина пытается вникнуть в лик, в сущность Луны и Солнца. Как Солнце – мистическое начало жизни, так Луна – мистическое начало смерти. И в понимании этих двух противоположностей рождается смысл, который по сути своей антиномичен. Поэт ищет словесный символ, который приведёт его к запредельным глубинам мироздания, где область знаний многообразна и, возможно, непостижима. Говоря о Луне, необходимо помнить, что для мистиков она является источником всех процессов и энергий, происходящих на Земле. Она не просто управляет отливами и приливами, но и является вершителем судеб человеческой цивилизации, не просто наблюдая, но и участвуя в их смене, подобно Диане-Гекате, чародействующей над человеческим сознанием, о чём свидетельствует современная наука.

Можно удивляться пронизательности поэта, который в лунно-солнечном переплетении лучей узрел живое семя, зарождавшееся в пространственно-временной тьме. «Мистики также утверждают, что «Великая Мать» земной жизни – женщина – с древности отождествлялась с Великой космической Матерью-Луной» [5, с. 157]. Для М. Волошина образ Луны есть образ женского начала, причём этот образ двулик. Внешне луна «Царица вод, любовница волны!» [4, с. 41]. Но есть и внутренняя тайна: Луна – это начальница воды. Вода – начало всякой жизни, о чем повествует библейская книга Бытия [1, 1: 20]. В ее волнах слышится мысль о прошедшем, настоящем и будущем: она источник экстазов, качественно и творчески преобразующихся, стремящихся к единству и универсальности жития. Луна по-

сылает земле не чувственность, а иллюзию чувственности, в которой зарождается миф, предпочитающий оставаться неизведанным, но полным таинственного смысла и обладающим лучом, с помощью которого обретёт Путь. В смертном свете Луны, разливающимся по водам жизни, человек познает свои неисследованные глубины, берущие своё начало в водах жизни, в «змеиных, непрожитых снах!» [4, с. 41].

Лунный свет озаряет человека и поэта, побуждает совершить жертвенный, крестный подвиг. Крестный путь человека – это путь Христа на Голгофу. И каждый должен пройти этот путь, у каждого свой алый цвет – ощущение жертвенной крови. Выкуп за то знание, которое получили во сне. И этот выкуп – Голгофа, которую проходим «сквозь мглу моих распятий». Через Голгофу происходит обретение лица в «бреду морщин твоих и впадин» [4, с. 41]. И потому этот «алмазный бред» «и сладостен, и жутко безотраден», этот бред «твоих морей блестящая слюда». Ему, согласно М. Волошину, мы обязаны сопричастием невидимому миру.

Жизнь человека застыла в «седой кристалл», чтобы в алмазе ночей обрести холодное солнце ночи. Луна для поэта – «мертвый лик отвергнутого мира!» [4, с. 41], но только чрез мертвый лик познается лик живой. Только тогда зерно прорастет, когда, упавши в землю, умрет. Таким образом, жизнь и смерть – эти две антиномии, без которых невозможно бытие мироздания. Эти мифобиблейские истины буквально пронизывают стихотворный текст, его живую ткань. Для М. Волошина это совершенно очевидно. Он живёт в сотворённом мифе, имеющем свою древнюю историю. В этой связи интересно седьмое стихотворение «Грот нимф» из цикла «Звезда Полюнь», которое было посвящено русскому поэту-символисту Сергею Соловьёву [4, с. 428].

М. Волошин использует трактат неоплатоника Порфирия, чтобы совершить платоновский прорыв к глубинам Бытия, которое ассоциируется с творчеством, совершаемым странником-человеком. Странничество отличает беспокойство и жажда познания. Но это познание и творчество исходят из круга, имя которому любовь. Но любовь немислима без голгофского креста. Это приближает человека к Богу. Как известно, «Бог есть любовь...» [1, 1-е Ин. 4: 16], и она ведёт водоворотом «В Пещеры Времени» [4, с. 42].

Для М. Волошина спасение человека – в любви, а в страдании – возвышение. Любовь и страдание ассоциируются с крестной жертвой Христа, которая является творческим преображением мира, помогает совершить духовное становление творческой личности. Любить и страдать – вот формула создаваемого мифа, являющегося абсолютной реальностью для Максимилиана Волошина. Это миф жизни, жаждущей Гласа Божьего в *вечном становлении, способном разорвать пещерную плоть времени*. И как во всяком мифе, есть смертные и бессмертные, дороги которых разные: «Но смертным и богам отверст различный вход: / Любовь – тропа одним, другим дорога – горе» [4, с. 42].

Одним – Жизнь, Блаженство, Вечность, другим – Смерть, Страх, Порок. А поэт – метеор, затерявшийся во тьме среди пещер, но припадающий к «сияющей амфоре, / Где тайной Эроса хранится вечный мед» [4, с. 42].

Эрос для М. Волошина – это творческий Даймон, «посредник между людьми и богами, который ведет человека крестным путем страсти и смерти к познанию бессмертия и созерцанию вечной красоты» [3, с. 482]. Эрос для Максимилиана Волошина – грозная сила. В своей статье «Эрос», посвященной Вяч. Иванову, он писал, что Эрос «учит человека дерзать и преступать законы человеческие и божественные» [3, с. 483]. Но, проведя его «сквозь очистительное пламя всех страстей, всех

преступлений и всяческого земного изобилья, наставляет его радостному смирению» [3, с. 484]. Мёд у древних являлся символом бессмертия. Пчела и мед для М. Волошина – единое целое, жизнь и творчество – Вечность. Но творчество невозможно без жертвенности и борьбы, без «одежды жертвенной пурпуровых тканей» [4, с. 42].

Таким образом, цикл «Звезда Полынь», как отмечалось выше, проникнут христианскими и эзотерическими исканиями М. Волошина и составляет этап его духовного роста, что проявилось в единстве мифа, эзотерики и христианского предания как акта реальной творческой жизни.

Список литературы

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета : Канонические. М.: Новая Жизнь – Советский Союз : Кэмпус-Крусейд Форд Крайст, 1991. 1225 с.
2. Волошин М.А. Записные книжки / Вступ. ст. В.П. Купченко. М. : Вагриус, 2000. 176 с.
3. Волошин М.А. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров ; вступ. ст. С. Наровчатов. Л. : Наука, 1988. 848 с.
4. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М. : Правда, 1991. 480 с.
5. Кобзев Н.А. Эзотерическая символика М. Волошина (Цикл стихов «Звезда полынь») // X Волошинские чтения. «Поэт и мыслитель». Симферополь : Крымский архив, 2000. С.143–148.
6. Лосский В.Н. Боговидение / Сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко. М. : АСТ, 2003. 759 с.

“THE WORMWOOD STAR”. THE PECULIARITY OF SPIRITUAL SEARCH OF MAXIMILIAN VOLOSHIN

S. M. Zayats

Transdnestrian State University
the department of general subjects

This article shows the peculiarity of spiritual search of the Russian poet of the Silver Age, Maximilian Voloshin, who attempted to combine in his works esoteric, theosophy and Russian Orthodox mental outlook, which eventually became the most important fundamental sense for him, the ground for his further philosophical and theological searches, a milestone of his creative life-building.

Key words: *myth, theosophy, “the Wormwood star”, instant, eternity, spiritual rise.*

Об авторе:

ЗАЯЦ Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107), e-mail: smz67@mail.ru.